

зрелищ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

тиста — этап в совершенствовании мастерства. Поэтому разговор о сегодняшнем репертуаре актера может стать разговором обо всем творческом пути — ведь в ролях, которые играют сейчас — и прошлое и будущее.

В нынешнем репертуаре Александра Викторовича Васильева — роли самые разнообразные, порой до того разные, что трудно на первый взгляд представить себе, что все они сыграны одним человеком. Понятие «амплуа» в своем изначальном смысле, как определенный род ролей, строго соответствующий сценическим данным актера, употребляется теперь довольно редко. Границы его так размыты, что единственное, может быть, ограничение здесь — это возраст актера. В театре для детей такая воз-

совершает подвиг — один громит немецкий штаб и погибает. Казалось бы — неожиданно. Даже сын его, уже после войны узнав об этом, не верит: как мог совершить такое его отец, тихий, мирный человек. Для зрителя же в подвиге Краюшкина ничего неожиданного нет — с самого начала актер за прозантичностью, «обыкновенностью» солдата раскрывает большое нравственное содержание его натуры. Подвиг его — это утверждение жизни. Прошлый автоматными очередями, перед тем как упасть, Краюшкин на секунду застывает на фоне бушующего пламени — как памятник, как призыв к памяти тех, за кого он отдал жизнь, к памяти детей своих. Он уже символ — Отец. Солдат...

В заключительном эпизоде

Добавим, что многие из тюзовских зрителей, возможно, на этом спектакле впервые задумываются над природой трагического, в этом случае театр становится школой жизни.

Солдат Краюшкин и карди-

жен в совершенстве владеет искусством перевоплощения. Васильев владеет им великолепно. Обстоятельный, спокойный Краюшкин, величественный Монтанелли, сияющий, как масленичный блин, Поп и — чистейшие, детские глаза на лукавой роже Карлсона, мгновенные смены настроений, самые разные характеры и темпераменты — все это создано одним человеком.

Для каждого из своих героев Васильев находит особую манеру говорить, собственный музыкальный ритм движения. Еле передвигает ноги Старик, («Сказка о рыбаке и рыбке»). Отплываает с ума сошедший Поп. Стремителен, и при этом полон достоинства шаг Монтанелли. Скачет на одной ноге Карлсон...

Высокая техника сценического мастерства, умение скупыми средствами выразить глубинные движения души проявились еще раз совсем недавно, когда Васильев сыграл роль деда Сергея в спектакле куйбышевского телевидения «Павлик Морозов». Убеденный враг Советской власти, дед Серега верит только в одного бога — деньги и готов во имя их принести в жертву все, даже собственных внуков. По объему роль невелика, и чтобы полнее показать этот по-своему сильный характер, Васильев лепит образ крупными, заметными мазками, с учетом, однако, специфики телевидения, требующего от актера игры ювелирной. Великолепно чувствуют себя, играя с Васильевым, его партнеры — мальчишки, непрофессионалы, «заражаются» истинным творчеством, начинают по-настоящему входить в образ.

Для самых маленьких зрителей тюза Васильев как режиссер восстановил недавно спектакль-сказку «Домик-пряник». Ребята помнят «Два клена», «Аленький цветочек» — это тоже режиссерские работы Александра Викторовича.

Сравнительно недавно тюз вернулся домой — работает сейчас в своем, заново отремонтированном здании. Это, в какой-то мере, начало нового этапа в жизни театра. Новые проблемы встают перед ним — и ветераны, такие как А. В. Васильев, — в гуще этой кипучей жизни.

Л. ЛАНИНА.

На снимке: Александр Васильев в роли Карлсона («Карлсон, который живет на крыше»).

Фото Р. Годинова.

Творческий портрет

ВЕРНОСТЬ

ПРИЗВАНИЮ

ВЗРОСЛЫЕ, серьезные люди приводят в театр юного зрителя своих ребят. Взрослые слегка иронически относятся к восторгу детей, к их изумлению перед уже привычным взрослому чудом — чудом театра. Но начинается спектакль — и через несколько минут и те, и другие зачарованно смотрят на сцену: играет актер, творчество которого дорого и понятно всем, кто пришел в тюз, — заслуженный артист РСФСР Александр Викторович Васильев. Не одно поколение зрителей училось у него азбуке театра — в этом году театр празднует сорокалетие его сценической деятельности.

Самые разные роли исполнил Васильев за годы работы в театре. На сцене Куйбышевского тюза он создал образ Владимира Ильича Ленина в спектаклях «Именем революции» и «Юность отцов», сыграл профессора Полежаева («Беспокойная старость»), Павку Корчагина («Как закалялась сталь»), Комиссара («РВС»), Баукина («Жестокость»), деда Каширина («Алеша Пешков»).

Театральный спектакль, казалось бы, живет на сцене сезон-другой, а потом остается лишь в непрочной памяти зрителя да в нескольких фотографиях. Но остается он и в творческом багаже театра, в творческом багаже актера. Ведь каждая роль для настоящего ар-

можность для творчества особенно широка.

В таком случае уже не амплуа выделяет одного актера из числа остальных, заставляя зрителя детского театра полюбить, запомнить его, узнавать под любым примом, а то, что объединяет эти самые разные роли, — яркость актерского дарования.

Одна из ролей Васильева, в которых наиболее цельно проявляется его мастерство, — Петр Краюшкин из «Неизвестного солдата» А. Рыбакова. Васильев сам прошел по дорогам Великой Отечественной, и, наверное, поэтому образ солдата-фронтовика с самого начала работы был так близок актеру.

Много видевший в жизни, проживший на белом свете, Краюшкин — самый старший в военных сценах спектакля. Он годится в отцы и совсем еще юному Вакулину и непосредственно своему начальнику — бравому старшине Бокареву. Отец-солдат — вот сущность этого образа, каким создает его Васильев.

От будничного к героическому — так развивается в «Неизвестном солдате» образ Краюшкина. С первого появления своего героя на сцене Васильев играет человека очень обыкновенного: рядовой солдат, в мирной жизни — шофер, который и особой военной выправкой похвастать не может. Но именно этот Краюшкин

спектакля погибшие войны спускаются со сцены и уходят через зрительный зал — солдат, отец, погибший на войне, — идет к нам, своим детям. Идет из «тогда» в «сегодня». Жизненная правда этого образа наполняет его подлинным и высоким пафосом.

В «Итальянской трагедии» Э. Войнич и А. Штейна Васильев играет Монтанелли. Сложность этого образа увеличивается еще и тем, что зритель читал «Овод», видел фильм, снятый по роману, и, желая того или нет, сравнивает образ, создаваемый на сцене, со своими, уже сложившимися представлениями.

Монтанелли, каким играет его в «Итальянской трагедии» Васильев, выступает перед нами всякий раз в момент высшей напряженности мысли. Кульминационная сцена — разговор Монтанелли с Оводом в тюрьме — это крушение взглядов Монтанелли.

Актерская палитра Васильева в «Итальянской трагедии» совершенно иная, нежели в «Неизвестном солдате». Никаких бытовых, прозаических подробностей — приподнятость, величавость, чеканный слог. Даже в момент полного смятения. Здесь Васильев очень точен в стиле. Философская глубина конфликта, происшедшего в душе героя, раскрыта Васильевым с высокой трагедийной силой.

нал Монтанелли — это роли, адресованные зрителям разных возрастов. Широко «адрес» и еще одного героя Васильева — Карлсона, который живет на крыше.

Один маленький мальчик, посмотрев Карлсона в мультфильме, телефильме и на сцене, заявил: «Живой Карлсон — лучше». Живой — это Васильев. Живой — потому что он, как все в жизни — разный, потому что актер сыграл самое сложное — личность одновременно фантастическую и реальную. Карлсону Васильева нельзя не верить — ни тогда, когда он упоенно проказничает — срывается с пылесосом, крадет пышки, играет в привидения, ни тогда, когда он говорит о верности другу, о том, что он прилетит всегда, когда его позвонят, — «только не закрывайте вашего окна»...

Карлсон — одна из лучших ролей Васильева. Она — и из числа самых сложных. Актер долго работал над ней, продолжает работать сейчас: в каждом спектакле появляются новые черты образа. В результате фантастический герой становится все богаче: дети понимают в нем то, что им доступно, — и веселятся. Взрослые видят свое — и грустят, как становится грустно всем нам, когда вспоминаешь забытые сказки детства. Актер детского театра дол-